

М.М. Савченко

**И.И. ЯНЖУЛ:
«У МЕНЯ ОЧЕНЬ РАНО РАЗВИЛИСЬ ВКУСЫ
ЭКОНОМИСТА»**

Г. Янжул, несомненно, принадлежит к таким русским ученым, которые помимо своей эрудиции имеют еще полное право на признание их заслуг в деле сообщения науке жизненного характера.

«Дело», март 1882 г.

Современному читателю это имя почти неизвестно, и с отдельными сторонами весьма разносторонней и удивительно плодотворной деятельности этого человека знакомы, главным образом, специалисты. Однако сто лет назад академика Янжула знала, без преувеличения, вся образованная Россия. Его университетские курсы были весьма популярны среди студентов, а открытые лекции и публицистические выступления неизменно становились событиями научной и общественной жизни. Экономические сочинения Янжула получили известность не только в России, но и далеко за ее пределами, сделав их автора признанным авторитетом в вопросах теории и истории финансов, внешней торговли и налоговой политики. Его голос можно было услышать не только в университетских аудиториях, академических собраниях и ученых обществах, но и в государственных совещаниях, фабричных цехах и литературных салонах. К его авторитетному мнению по многим волнующим русское общество вопросам прислушивались в правительственных канцеляриях и министерских кабинетах. История

экономики и финансовое право, международные отношения и таможенная политика, фабричное законодательство и рабочий вопрос, педагогика и народное образование, литература и искусство - все привлекало его внимание, и везде он сумел высказать компетентные суждения, проявить яркую индивидуальность ученого и государственно-патриотическое мышление гражданина.

Иван Иванович Янжул родился в 1845 г. в многодетной семье бедных мелкопоместных дворян и провел детство в деревне матери в Коломенском уезде Московской губернии. Несмотря на ограниченность материальных возможностей, родители стремились дать детям хорошее образование. С детства, отличаясь большой жадностью к чтению¹, будущий ученый первым учеником окончил пансион при рязанской гимназии и получил право на поступление в Московский университет без экзамена. В студенческие годы, уже потеряв родителей, он много бедствовал и, по его собственным словам, «долго не достигал ничего путного и не мог выбиться из когтей злой нужды, не находя ни уроков, ни другой работы»².

На юридическом факультете университета Янжул заинтересовался социальной физикой Л. Кетле и политэкономией Дж. Ст. Милля. Увлечшись «серьезным чтением», студент почувствовал вкус к самостоятельной научной работе. Впоследствии он вспоминал, что его первое сочинение по социальной статистике отличалось такой глубокой верой в науку, что при юности автора, несомненно, заслуживало самой большой похвалы и поощрения в интересах его будущих занятий.

По окончании курса в 1869 г. способный Янжул был оставлен при университете, а затем командирован за границу «для усовершенствования в науках и писания диссертации». В Дрездене он познакомился со своей будущей женой Екатериной Николаевной Вельяшевой, которая стала его другом и помощником в многообразной научной и общественной

деятельности. «Ничего не делалось и не писалось без ее совета и помощи, - писал ученый в автобиографии, - и я затрудняюсь по временам определить, кому, например, в данной статье принадлежит такая-то мысль, мне или ей?»³. Е.Н. Янжул стала специалистом по педагогике и знатоком системы образования в Западной Европе и США, получив известность как автор ряда книг и множества журнальных статей по этой тематике, некоторое время состояла членом отделения ученого комитета Министерства народного просвещения по техническому и профессиональному образованию.

Познакомившись ближе с исторической школой экономической науки в Германии, Янжул, у которого, по его собственному признанию, «очень рано развились вкусы экономиста»⁴, отправился в Англию, предоставлявшую наилучшие условия для научных занятий по интересовавшим его темам. «Я более и более заинтересовывался вопросами промышленности и торговли и в этом смысле удержал соответствующие вкусы в области финансов и экономии на целую мою жизнь»⁵, - вспоминал много лет спустя ученый.

Именно Лондону суждено было сыграть определяющую роль в научной судьбе Янжула, дать направление его исследовательским интересам, отозвавшимся в выборе тем его главных сочинений. Первое посещение библиотеки Британского музея запечатлелось в его памяти на всю жизнь. «Мы могли видеть через большое стекло все это превосходное учреждение в несколько этажей, наполненных сверху донизу книгами, с множеством столов, идущих от каталогов, расставленных концентрическими кругами от середины зала, многочисленных открытых шкафов в уровень зала для свободного, без всякого спроса пользования всевозможными справочными книгами... Я пришел в восторг от вида одного только зала и немедленно отправился к секретарю за получением билета...»⁶. Сильно бьющий пульс политической жизни, дебаты

парламента, обилие газет, масса памфлетной литературы и, главное, богатство книжной сокровищницы Британского музея - все это было ново и непривычно для молодого ученого, указывая направление и объясняя способ новой работы.

Тема его будущей диссертации была подсказана продолжавшимися уже многие годы в научных кругах острыми дискуссиями о достоинствах и недостатках различных налоговых систем. Янжул решил остановиться на истории косвенного обложения, изучение которой, по его мнению, могло дать необходимый материал для решения спора между сторонниками и противниками этой системы, по-прежнему стоявшими во всеоружии друг перед другом. «На первый раз мы ограничились акцизом или налогами на потребление, посредственно взимаемыми как податями, которые по преимуществу можно назвать косвенными»⁷, - отмечал ученый во введении к своему исследованию. Неудивительно, что для решения этой задачи автор избрал Англию как страну, в которой налоги на потребление получили особое распространение, преследуя человека на протяжении всей его жизни с момента рождения до момента смерти, а также как страну, обладающую замечательным богатством доступных исследователю документальных материалов и литературы по этой теме. «У меня быстро и незаметно проходило время. Оказалось, Британский музей представляет так много благоприятных условий для занятий, как никакая другая библиотека на свете..., при некоторой привычке к обращению с книгами, работа там является в высшей степени интенсивной»⁸, - вспоминал ученый. В последующем, получая почти ежегодно заграничные отпуска, Янжул неизменно совершал паломничества в стены милого его сердцу Британского музея, собирая материалы для своих будущих работ и проводя там целые исследования. В одном из писем Е.Н. Янжул писала: «Британский музей для нас есть старый учитель, которому мы чувствуем себя обязанными за серьезное и

плодотворное обучение и к которому обращаемся вновь и вновь за дальнейшим образованием с верою в успех»⁹.

Скудность материальных средств не тяготила молодого ученого, прошедшего суровую школу нужды и лишений в детстве и студенческой юности. Посвящая все время работе в библиотеке Британского музея, он отказывал себе в самом необходимом, умудряясь при этом покупать нужные книги.

Защита магистерской диссертации Янжула «Опыт исследования английских косвенных налогов. Акциз» состоялась 23 ноября 1874 г. на юридическом факультете Московского университета. «Диспут мой был настоящим торжеством для меня и сошел вполне благополучно, прерываемый постоянными рукоплесканиями»¹⁰, - вспоминал Янжул об этом важном событии своей жизни. В постановлении факультета отмечалось, что использование уникальных источников дало возможность диссертанту не только пополнить, но и исправить некоторые сведения, содержащиеся в работах его предшественников, и представить сочинение, удовлетворяющее самым строгим требованиям науки.

Основной идеей исследования было то, что борьба классовых интересов определяет характер финансовой системы государства. В XVII-XVIII вв. в Англии господствовали акцизы, поскольку эта форма обложения была выгодна обладавшему политической властью землевладельческому классу. Однако по мере развития капитализма и роста влияния буржуазии большинство акцизов и таможенных пошлин, препятствовавших дальнейшему развитию британской промышленности и торговли, были отменены. С возрастанием политического значения рабочего класса налоговая система продолжала реформироваться в сторону подоходного обложения и дальнейшей отмены косвенных налогов. Примечательно, что к главному выводу о влиянии борьбы классовых интересов на государственный строй и характер финансовых

учреждений Янжул пришел самостоятельно, без влияния К. Маркса, с которым, как впоследствии оказалось, он работал, чуть ли не рядом с теми же источниками и в тех же залах Британского музея. Диссертация Янжула привлекла внимание специалистов. Несмотря на остроту и дискуссионность темы, в печати ей давалась в целом высокая оценка. Работа характеризовалась как «весьма основательная» монография, «написанная мастерской рукой» и представляющая «прекрасную иллюстрацию к истории финансового и общественного быта Англии»¹¹.

Успех магистерского сочинения и собственное сознание молодого ученого подсказывали необходимость ускорить работу над докторской диссертацией. Было решено избрать ее предметом другой косвенный налог - таможенные пошлины и проследить историю развития идей свободной торговли и протекционизма в Англии в связи с их влиянием на таможенное законодательство и всю экономическую жизнь страны. Осенью 1876 г. появился первый том «Английской свободной торговли», посвященный меркантилистскому периоду ее истории. А.И. Чупров увидел в этой работе «весьма ценный вклад в нашу экономическую литературу», отметив, что история хозяйственной идеи является здесь в непосредственной связи с историей самого хозяйства¹². Исследование было представлено в качестве докторской диссертации и после ее успешной защиты 30-летний Янжул был утвержден ординарным профессором Московского университета по кафедре финансового права. Выход второго тома, посвященного периоду свободной торговли, задержался до 1882 г. и по признанию самого автора «поглотил много лет его жизни и времени разнообразных занятий в стенах Британского музея и вне его»¹³. В 1881 г. в одном из писем Е.Н. Янжул писала о работе мужа: «Книга, кажется, выйдет недурная, но она далась труднее всех прежних его сочинений...»¹⁴.

Научное значение этого исследования заключалось не только в подробной разработке литературы по теме, внесении многих существенных поправок и добавлений к имевшимся сведениям по истории английской экономической политики на протяжении нескольких веков. Отметив сильную перемену в воззрениях английского общества на классическую политэкономия и упадок ее старого престижа, Янжул специально исследовал вопрос о том, каким образом и почему вера во многие наиболее существенные положения и принципы экономической науки, установленные ее основателями, оказалась в значительной степени поколебленной. Избрав для экономико-социологического анализа впечатляющее по своим масштабам историческое пространство, охватив им всю пестроту и подвижное многообразие экономических концепций и школ, автор показал, что развитие науки происходит не только на основе логических выводов и аргументов холодного рассудка, но и благодаря доводам простого человеческого чувства, симпатии к несчастным и обездоленным. Именно под влиянием последних все больше экономистов оказывалось в оппозиции к бездушной и суровой, склонной к формальному анализу науке. Могущество магической формулы "laissez faire, laissez passer"¹⁵ было подорвано, вера в незыблемость принципа свободной конкуренции и невмешательства государства в экономическую жизнь, даже если общественное благо требует обратного, оказалась отчасти утраченной.

Наряду с признанием альтруизма важным, если не главным фактором развития экономической науки Янжул пришел к выводу, что новая перестройка политэкономии должна основываться преимущественно на индуктивном методе и что в этом смысле она «является более наукой будущего, нежели настоящего». Старая доктрина с ее дедуктивным методом верила в абсолютную истину своих главных положений. Индуктивизм же, по мнению ученого, доказал их

относительный характер, убеждая в необходимости учитывать особенности и конкретно-исторические условия отдельных стран. Выяснение причин, по которым Англия приняла в своей политике систему именно свободной торговли, показало, что она должна была ее принять «по особым условиям своего экономического быта и что эта система являлась для нее тогда наиболее выгодной и безопасной»¹⁶.

Приведенные автором данные свидетельствовали о значительном росте богатства Англии, чего нельзя сказать о благосостоянии народной массы. Свободная торговля сказочно обогатила промышленников и торговцев, но отнюдь не трудящиеся классы, которым фритредеры совершенно напрасно сулили молочные реки и кисельные берега.

Появление «Английской торговли» стало событием. Рецензенты обращали внимание на достоинства этого капитального труда, ставили в заслугу автору вывод об определяющей роли государственных интересов в выборе той или иной системы торговли. Отмечалось, что благодаря широкой постановке вопроса сочинение Янжула имеет не только отвлеченное научное значение, но и затрагивает косвенно или прямо актуальные проблемы современной российской действительности. Несмотря на то, что «старая» классическая политэкономия не имела в России того господствующего значения, какое ей принадлежало в Западной Европе, указывал «Вестник Европы», влияние ее давно проникло и к нам, отражаясь в законодательных мерах и обнаруживая себя в «общепринятых взглядах» и «ходячих фразах»¹⁷.

Д.И. Менделеев, участвовавший в разработке русского таможенного тарифа 1891 г., нашел исследование Янжула интересным и использовал содержащийся в нем конкретно-исторический и аналитический материал для обоснования своей концепции экономического развития России¹⁸.

Примечательно, что в развернувшейся полемике по вопросам таможенно-тарифной политики и фритредеры, и протекционисты обнаруживали в

исследовании Янжула аргументы в пользу отстаиваемых ими позиций. Написанная на основе тщательно отобранного и систематизированного материала, свободная от крайностей односторонних теорий и пристрастных оценок, «Английская торговля» предоставляла им такую возможность. Демократическая печать отмечала «замечательное научное беспристрастие автора и свободу его мысли от quasi-научных предрассудков»¹⁹, видела одно из главных достоинств работы в том, что она недвусмысленно давала понять внимательному читателю: «истины нет ни в протекционизме, ни во фритредерстве, потому что обе эти формы хозяйственной политики покоятся на ложном основании, которое представляет собой современный капиталистический строй»²⁰. Вместе с тем некоторые суждения в работах Янжула по истории налоговой и торговой политики Англии были встречены критикой неоднозначно. Среди откликов полемического характера выделялась статья В. Гольцева, не склонного переоценивать роль индуктивного метода в преодолении кризиса экономической науки. Полагая, что идея государственного невмешательства отнюдь не является тем краеугольным камнем, на котором покоится все здание политической экономии, а выступает лишь принципом экономической политики, рецензент высказался за отделение так называемой манчестерской партии от английской (смитовской) школы политэкономии, уже составляющей, по его мнению, прочное завоевание науки²¹.

Фундаментальным исследованиям Янжула по экономической истории Англии было суждено занять выдающееся место не только в отечественной, но и в европейской историко-экономической литературе. Без обращения к ним стало невозможным сколько-нибудь серьезное исследование истории экономических учений, финансов, налоговой и торговой политики. К их автору пришли известность и репутация «лучшего и даже единственного у нас знатока народно-хозяйственной

жизни, истории и литературы Англии», а вместе с ними, как не без оснований отмечал Л.З. Слонимский в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых», право на «выдающееся и совершенно самостоятельное место в нашей экономической литературе»²².

Конец 1970-х - начало 1980-х гг. оказались для Янжула особенно плодотворными в научном отношении. Более двух десятков монографических работ по разнообразной тематике, вышедших из-под его пера в этот период, свидетельствовали об уже сложившихся профессиональных интересах и научных предпочтениях. По своим взглядам Янжул, выделявшийся в группе молодых либеральных профессоров, был близок к исторической школе в политэкономии в лице ее «нового» историко-этического направления. Склоняясь к так называемому «государственному социализму», он был приверженцем широкого вмешательства государства в экономическую жизнь и возлагал надежды на его социальную политику, способную, по его мнению, сгладить общественные противоречия, смягчить конфликты и облегчить участь трудящихся классов. Не случайно ученый проявлял интерес к социальной политике Бисмарка, отмечая, впрочем, отсутствие у этого выдающегося государственного деятеля твердых экономических убеждений, вследствие чего весьма часто научные теории превращались в его руках из источника политики в ее орудие²³. «Железный канцлер», далеко не всегда следуя принципам государственного социализма в сфере фабричного и рабочего законодательства, еще более удалялся от них в своей таможенной политике. Чутко откликаясь на изменения экономической и политической конъюнктуры, Бисмарк способствовал возвращению Германии в 1879 г. к покровительственной системе, целями которой, по его собственным словам, были возмездие некоторым «соседним странам», затруднявшим высокими пошлинами доступ к себе германских товаров, развитие собственного промышленного производства

и более всего поощрение земледельческих классов. Эти и другие факты не позволяют, по мнению ученого, считать Бисмарка, имевшего несомненные заслуги перед своей страной в области социальной политики, «представителем новейшего учения государственного социализма»²⁴.

На протяжении всей научной деятельности Янжула в широком диапазоне его исследовательских интересов одно из главных мест занимали проблемы внешней торговли и таможенно-тарифной политики. Исследуя вопрос о влиянии покровительственного тарифа на благосостояние рабочих классов, ученый приходил к выводу, что тариф возможен и допустим только при одном неременном условии – «когда местное производство дает надежду на будущее развитие»²⁵. В весьма обширной и отличавшейся полемической заостренностью и жанрово-стилистическим многообразием отечественной литературе по вопросам таможенно-тарифной политики работа Янжула «Свободная торговля и покровительственная система» представляла собой одну из наиболее удачных попыток изложения главных принципов свободной торговли и протекционизма, основных аргументов, приводимых за и против таможенного обложения, с указанием важнейших требований, которые, по мнению автора, «финансовая наука должна предъявить ко всякой разумно устроенной системе покровительства народной промышленности»²⁶.

В мировом опыте ученый находил все новые подтверждения своему выводу о том, что покровительственная система и свободная торговля имеют равные права на существование при известных условиях и одинаково оправдываются историей; ни одна из двух систем не может претендовать на особенное преимущество или предпочтение, обе могут содействовать развитию промышленности и народному благу. Поэтому каждый «правильный тариф» должен быть компромиссом между

системой свободной торговли и системой покровительственной, его каждую статью следует строго взвешивать, не упуская из виду общих интересов государства²⁷.

Работы Янжула по теории и истории международной торговли в контексте вопроса о пределах государственного вмешательства стали существенным вкладом в изучение истории экономической мысли. Обоснование на обширном фактическом и литературном материале относительного характера торговых систем создавало необходимые научно-теоретические предпосылки для преодоления ошибочного взгляда на историю борьбы экономических доктрин по проблемам международной торговли в рамках простой антитезы «фритредерство – протекционизм»²⁸. Позднее, отмечая важность исправления этой ошибки для правильного понимания эволюции экономического анализа, Й. Шумпетер справедливо указывал применительно к Англии XVII в.: «Силы фритредеров не просто собрались под стенами меркантилистской цитадели и штурмовали ее..., - более значительные силы сформировались внутри самой цитадели»²⁹.

1880-е годы были отмечены деятельностью Янжула в новой области, предоставившей возможность на практике проверить некоторые положения его теоретических воззрений. Ввиду быстрого развития промышленности и растущего значения рабочего вопроса правительство в лице министра финансов Н.Х. Бунге предприняло шаги по законодательному регулированию некоторых сторон взаимоотношений фабрикантов и рабочих. Общественному вниманию к этой проблеме в немалой степени способствовали вышедшие в начале 1880-х гг. очерки Янжула о фабричном законодательстве в России и Европе, заводском быте и условиях труда в промышленности. В одном из них он, например, писал: «В какой бы угол России мы не обратились и на какой бы отрасли промышленности не остановились, везде мы видим одно и то же - полное

небрежение, за немногими исключениями, к условиям жизни рабочего населения и невнимание к удовлетворению самых первичных требований гигиены»³⁰. По предложению министра финансов, хорошо знакомого с этими работами Янжула, их автор в 1882 г. занял место инспектора по московскому округу в только что созданной фабричной инспекции, полный решимости внести «хотя бы тусклый свет законности в мрак сплошного беззакония на русских фабриках»³¹.

Приступив к работе на новой должности, Янжул быстро завоевал расположение и симпатию Бунге. Судьбе было угодно, чтобы этот известный профессор-экономист и видный либеральный деятель эпохи реформ достиг самых вершин чиновно-бюрократической иерархии именно в период так называемых контрреформ Александра III. «Этот маленький старичок с вдумчивым и ласковым взглядом, с постоянно спокойной речью произвел на меня чарующее впечатление, - вспоминал первую встречу с ним Янжул, - ...в высшей степени довольный иметь над собой по рабочему вопросу такого главного руководителя и притом говорившего со спокойной уверенностью о будущем, я покинул кабинет министра, радуясь, что согласился принять свое новое назначение»³².

Скоро выяснилось, что деятельность фабричной инспекции связана с трудностями, многие из которых в силу новизны дела даже трудно было предвидеть. Отсутствие необходимой нормативно-правовой базы и точных сведений о промышленных предприятиях, крайнее невежество промышленников в области фабрично-заводского законодательства и их привычка к неисполнению любых законов, регламентирующих их действия, «дефекты чиновничьего распорядка и управления» - вот лишь некоторые препятствия, с которыми пришлось столкнуться Янжулу в инспекторской деятельности³³. Обнаружилось и такое зло российской действительности как взяточничество. Всякий старался дать взятку и очень удивлялся отказу. При этом практиковались самые разные способы.

Так однажды после осмотра сахарного завода, садясь на извозчика, Янжул, к своему удивлению, нащупал в ногах целую голову сахара. Скоро, впрочем, по округу разнеслось, что на новой должности не берут и инспектора мало-помалу оставили в покое.

В 1886 г. в связи с жалобами московских фабрикантов на возросшую польскую конкуренцию Янжул в составе специальной комиссии был командирован министерством финансов в Царство Польское для изучения местной промышленности. Результатом поездки был официальный отчет, а также «Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском». Среди причин быстрого развития промышленности привислянского края Янжул особо отметил экономические выгоды, которые Польша извлекла из присоединения к России. Многие годы Российская империя была ограждена от остального мира высокой стеной запретительного таможенного тарифа, и лишь Польша представляла собой ворота в этой сплошной стене. Впрочем, благодаря двойному тарифу и легкости контрабанды нечто подобное представляла и Финляндия. Позднее, желая избежать значительной части таможенного налога, на приграничную российскую территорию стали переносить свои фабрики иностранцы, придавая здесь своему продукту фальшиво-русское обличье. По мнению Янжула, возникновению подобных фабрик, наносящих ущерб, как отечественной промышленности, так и интересам казны, следовало положить конец. Однако он высказался против «уравнения шансов конкуренции» административно-принудительными мерами правительства, полагая, что сами фабриканты должны стремиться к наилучшему ходу своих дел³⁴.

Что касается контрабанды, то многое из виденного и слышанного им в Польше свидетельствовало о ее громадных размерах. Немало фабрик, находившихся в приграничной полосе, подозревались в сбыте

контрабанды, прикрывавшейся собственным производством: на контрабандный товар ставились фабричные клейма, после чего он сбывался как собственный. Оказались небеспочвенными и слухи о причастности к преступному промыслу чинов самого таможенного ведомства. Так, случайно зайдя близ самой границы в прусскую пивную, Янжул увидел сени, доверху наполненные странными металлическими ранцами, предназначенными для наполнения жидкостью и скрытного переноса под одеждой. «Хозяин был смущен и ничего не мог ответить на мои расспросы, - вспоминал он, - русский же таможенный чин представил какое-то нелепое объяснение и всячески старался увлечь меня вон из харчевни!...»³⁵. Янжул с горечью отмечал, что никогда в своей жизни не слышал столько о взяточничестве и продажности чиновников, как в Польше и признавался, что мерил свои нравственные отношения к людям «тем масштабом, который был обычен в кружке профессоров и где взяточничество, подкупность считались всегда чем-то омерзительным, отодвинутым в давнопрошедшее дореформенное время»³⁶.

Как фабричный инспектор Янжул принимал активное участие в различных комиссиях и совещаниях по выработке рабочего и фабричного законодательства. В 1882 - 1887 гг. ни одна крупная мера в этой области не принималась без его участия. Инспекторские отчеты Янжула рисовали картины фабричного быта в довольно черных красках, за что в некоторых кругах делали намеки, что их содержание пахнет-де «социализмом» и «автора следовало бы сократить!...»³⁷.

По мере возрастания роли фабричной инспекции ее деятельность по надзору за исполнением весьма осторожных и скромных мер правительства в области фабричного законодательства встречала все более упорное и ожесточенное сопротивление промышленников. В их многочисленных протестах, жалобах и ходатайствах содержались настойчивые просьбы к правительству об обуздании инспекции. Янжул

стал одним из главных объектов газетной ругани и травли. На страницах ряда московских изданий рисовался образ неумолимо строгого исполнителя закона, с пристрастием притесняющего бедных промышленников. В ход были пущены наговоры, доносы, угрозы физической расправы.

Застрельщиком в литературе, «сокрушающей» инспекцию, выступило «Русское дело» ставленника московских фабрикантов С.Ф. Шарапова. Поводом к публикациям в газете стали установленные Янжулом в соответствии с его полномочиями по новому фабричному закону ограничения на продажу рабочим в кредит в лавке «одной из крупных подмосковных фабрик» дорогих продуктов. Инспектор видел в фабричных лавках «необходимое зло» и допускал здесь согласно закону выдачу в кредит лишь дешевых продуктов первой необходимости, избавляя рабочих от соблазна потреблять деликатесы и увеличивать тем самым свою долговую зависимость от фабриканта. Однако в действиях Янжула «купеческий трибун» Шарапов увидел «ничем не прикрытую тенденцию - разрешить все скромное и, по возможности, запретить все постное...»³⁸. На грязную кампанию, развернувшуюся в печати, откликнулся Н.К. Михайловский, не без сарказма отметивший, что «г. Шарапов, живущий фантастической мечтой заменить собою Аксакова», постарался глубже проникнуть в мрачную и преступную душу фабричного инспектора, обвинив его «ни более, ни менее, как в колебании основ религии, в борьбе с постановлениями церкви и народными обычаями»³⁹. «Но когда же закроется постыдная язва подмигивающих инсинуаций и прямой клеветы, - задавался далее вопросом публицист, - язва, уродующая русскую литературу и весьма мало способствующая тому значению, которое приличествует печатному слову?...»⁴⁰.

С отставкой Бунге положение Янжула как фабричного инспектора стало нестерпимым, а деятельность - безрезультатной: предложения по

повышению действенности фабричного законодательства оставались без внимания, представления по фактам злоупотреблений и нарушений клались под сукно. К тому же должность инспектора стала узко полицейской, от него требовалось только «содействовать усмирению рабочих беспорядков» при полном бессилии их предупредить действенными мерами. Потеряв веру в возможность плодотворной деятельности в этом качестве, в сентябре 1887 г. он оставил должность инспектора, возвратившись, по его собственному выражению, «исключительно к профессуре и писательству».

В отличие от предпринимателей, рабочие сохранили о первом инспекторе добрую память. Много лет спустя после отставки он продолжал получать письма с фабрик центрального промышленного района с просьбами о заступничестве, жалобами, или, по меньшей мере, просьбами дать совет. Некоторые из писем были поистине трогательными и вызывали не только сочувственный отклик в сердце отставного инспектора, но и его посильное участие в судьбе их авторов. Несмотря на многие неприятности и «шипы» инспекторской деятельности ученый считал ее лучшей страницей своей жизни. По свидетельству одного из его учеников, смелая борьба с московскими фабрикантами чрезвычайно способствовала его популярности: именно в это время имя Янжула особенно гремело по всей России, а молодежь стала смотреть на него как на выразителя нового общественного направления - социальных реформ в пределах капитализма. В нем видели уже не только большого ученого, но и учителя жизни⁴¹.

С 1880-х гг. Янжул был известен своими публичными лекциями. Эти выступления на актуальные темы неизменно вызывали интерес и сочувствие у публики, позволяя собирать значительные средства на благотворительные нужды. При этом, однако, приходилось преодолевать всевозможные затруднения бюрократического и цензурного характера,

которыми было обставлено, особенно в провинции, чтение лекций. Хорошо знакомые с примерами просветительской работы за границей супруги Янжулы с энтузиазмом занимались этой деятельностью в России. При их активном участии был издан ряд книг и пособий по самообразованию. Иван Иванович чувствовал в работе Комиссии для организации домашнего чтения при Московском обществе распространение технических знаний. По его инициативе и под его редакцией был издан библиографический указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знаний⁴², весь сбор от нескольких изданий которого был направлен пострадавшим от неурожая 1891 г.

В 1893 г. Янжул был командирован Министерством финансов в Чикаго на всемирную выставку, приуроченную к 400-летию открытия Америки. Весьма обширная программа его работы предусматривала в качестве общей задачи «исследование главнейших явлений экономической жизни Соединенных Штатов». В ходе поездки Янжул собрал большой материал об американских синдикатах и трестах - совершенно новом хозяйственном явлении. В результате, и это главный итог поездки ученого в США, в 1895 г. появилась книга «Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы» - одно из первых в мировой литературе исследований по этой теме. Показав закономерный характер концентрации и монополизации производства, автор признал необходимым легализацию синдикатов и трестов при условии строгой регламентации их деятельности в интересах всего общества. По признанию самого Янжула в ходе этой работы изменились некоторые из его собственных научных воззрений. Вместе с осознанием значения монополий как «новой формы ликвидации старых экономических понятий о свободной конкуренции» его вера во всеисцеляющую силу промышленного и торгового соперничества была окончательно

утрачена⁴³. Время подтвердило не только чрезвычайную важность темы этого исследования, но и справедливость его главных выводов.

Размышляя об увиденном на Чикагской выставке, «этом обширном зрелище соревнования промышленных и торговых сил всего света», Янжул с сожалением отмечал, что русские промышленники не озабочены поиском покупателей на мировых рынках и довольствуются в значительной степени монопольными выгодами высокого таможенного тарифа. Правительству приходится почти убеждать их принять участие во всемирной выставке, предоставляя различные льготы⁴⁴. Некоторые богатые отечественные фирмы даже витрины для своих товаров постарались устроить на казенный счет! В виду такого равнодушия деловых кругов содержание русского отдела выставки в значительной степени отличалось случайностью выбора и отсутствием плана. Разумеется, ученый понимал, что Россия могла бы поставлять в Америку не предметы фабричного производства, поскольку «в этом отношении нас всегда побьет Европа», а товары ручной специальной выделки, имеющие преимущество дешевизны, оригинальности и национального вкуса. «Я едва ли ошибусь, если выскажу мнение, что в торгово-промышленном отношении Россия воспользовалась Чикагской всемирной выставкой гораздо меньше, чем могла бы это сделать»⁴⁵, - подвел итог своим американским наблюдениям ученый.

Считая вопрос о пределах государственного вмешательства наиболее спорным и трудным в политической экономии, Янжул многократно обращался к различным аспектам этой темы⁴⁶. В определенной мере это относится и к его крупному исследованию о торговых музеях, экспортных союзах и складах товарных образцов, выполненному в середине 1890-х гг. по заказу Министерства финансов. За границей им принадлежала важная роль в развитии экспортной торговли, а, следовательно, и поощрении местной промышленности. Поскольку

литературы по вопросу не существовало, для сбора необходимых материалов потребовались продолжительные поездки по ряду европейских стран и ознакомление с деятельностью этих учреждений на месте. Ученый убедился в огромной и разнообразной пользе музеев и экспортных союзов, распространяющих необходимые знания «в торговом классе и торговом деле». Не случайно эпиграфом к книге об отпускной торговле и мерах для ее развития был избран английский афоризм "If knowledge is not power, it shows the way to power"⁴⁷. Отмечая, что развитие промышленности невозможно без широкого сбыта, Янжул указывал на актуальность опыта европейских стран по завоеванию новых рынков, в том числе и посредством деятельности торговых музеев, экспортных союзов и складов товарных образцов. Отечественный опыт в этой области, увы, был небогат. В 1874 г. был открыт музей-выставка образцов товаров заграничного привоза при Санкт-Петербургской таможне, в 1882 г. вопрос об устройстве постоянной выставки предметов внешней торговли при Департаменте таможенных сборов обсуждался на Московском торгово-промышленном съезде. Указывая на желательность создания в России торгового музея, Янжул справедливо отмечал, что даже самые значительные покровительственные пошлины часто недостаточны для того, чтобы вызвать появление определенных отраслей промышленности, пока ей не обеспечен широкий рынок. Земледельческий же характер экономики России лишь подтверждает необходимость постоянных и широких рынков для нашей индустрии. По мнению ученого, существует множество отраслей промышленности, имеющих непосредственное влияние на само сельское хозяйство или даже составляющих различные формы его интенсивного развития⁴⁸. Книга привлекла внимание специалистов, увидевших в ней «серьезный вклад в нашу небогатую экономическую литературу»⁴⁹. Обобщенный и

представленный в ней зарубежный опыт стран в нашей стране, к сожалению, остался невостребованным.

Янжула как экономиста и социолога, обладающего жаждой научно-исследовательской деятельности и незаурядным общественным темпераментом, интересовала сложная эволюция социальной структуры российского общества в ходе капиталистической модернизации. В мотивах социального поведения разных слоев социума, столкновении их интересов ученый видел корни проблем большой общественной значимости, источники и движущие силы социальных изменений. Фабрикант и деятель искусства, высокопоставленный царский сановник и чернорабочий, крупный ученый и офицер пограничной стражи, студент и известный писатель - для Янжула это не просто конкретные люди, но и социальные типы, включенные в пеструю ткань общественных отношений, предмет вдумчивого экономико-социологического исследования российской действительности. Ученый при этом, по его собственному признанию, «был равнодушен к вопросам политики, придавая гораздо больше значения экономическому моменту в жизни человека и общества»⁵⁰. В юности, совпавшей с периодом буржуазных реформ и возросшим общественным интересом к либеральным ценностям, Янжул, как и многие его сверстники, увлекался идеями свободы и социального прогресса⁵¹, отдав дань даже учению социализма. Впрочем, симпатии к последнему с его требованиями обобществления орудий труда и принудительного разделения имущества юноша питал недолго. Признание же ценностью прав и свобод гражданина, идеи социальной справедливости и общественного прогресса, понимаемые в либеральном духе, стали убеждениями Янжула, которые он пронес через всю свою жизнь.

Почти четверть века Янжул преподавал финансовые науки в Московском университете. Как лектор он умело передавал веру в научные

истины своим многочисленным слушателям, поясняя теоретические положения массой конкретных данных из истории разных государств и эпох. Одним из первых он стал проводить популярные у студентов практические занятия. При суровой наружности и внешней строгости профессор с неизменной отзывчивостью и вниманием относился к своим ученикам. По признанию И.Х. Озерова, по своей робости он не стал бы ученым, если бы не Янжул. По субботам, в специальные часы приема студентов, Ивана Ивановича можно было увидеть в его домашнем кабинете в окружении молодежи. Экономист В.Т. Судейкин, студентом бывавший у Янжула, вспоминал, что профессор с величайшим удовольствием беседовал с ними, отвечал на вопросы, охотно снабжая занимающихся экономическими и финансовыми науками книгами из своей богатой библиотеки⁵².

Лекционный курс Янжула «Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах» по научности, точности и ясности изложения, был признан лучшим в отечественной финансовой литературе и выдержал несколько изданий. «Ваше сочинение одно из немногих, которым я искренне желаю, возможно большего успеха, потому что успех его будет успехом финансовых знаний в России»⁵³, - писал Янжулу маститый Бунге. Специфика жанра этой работы (университетский учебный курс) не помешала автору высказать интересные, а в ряде случаев смелые, суждения о состоянии российской экономики и финансов, оценить их перспективы, сформулировать цели экономической и финансовой политики, которая, по его мнению, необходима России. Как умеренный протекционист, далекий от крайностей запретительной системы, Янжул высказывался за пересмотр таможенного тарифа в сторону понижения многих фискальных и покровительственных пошлин, при этом имея в виду, что для России быстрый переход к свободной торговле был бы губительным для нее увлечением. «Наша мануфактурная

промышленность есть тепличное растение, выращенное в искусственной, душной атмосфере высокого таможенного покровительства, - отмечал он, - свежее веяние вольного простора, несомненно, должно убить его, если его не приучить к большей выносливости, постепенным изменениям окружающих условий». В экономической политике, по его мнению, не должно быть скачков, реформы должны проводиться постепенно, но в то же время твердо и неуклонно, имея в виду одну наиважнейшую цель - общее благо народа⁵⁴.

В 1893 г. книга была удостоена премии Академии наук, которую автор пожертвовал в литературной фонд. Одновременно признание научных заслуг Янжула как одного из основателей современной финансовой науки в России выразилось в избрании его членом-корреспондентом академии⁵⁵. Два года спустя ученый был избран действительным членом Академии наук и вскоре по выслуге звания заслуженного профессора переехал в Санкт-Петербург. При переезде неожиданное затруднение вызвала библиотека ученого, огромные размеры которой превращали ее в подобие ядра на ногах каторжника. Академическая библиотека в Петербурге и Румянцевская в Москве отказались от дара ввиду отсутствия места. Не без труда удалось договориться о передаче библиотеки стоимостью более 30 тысяч рублей частями с несколькими тысячами рублей в придачу на ее устройство Московскому университету. «Только на этих условиях я мог добиться согласия принять и получить мой дар, всю мою умственную жизнь, собранную в этом книгохранилище: так трудно у нас не только работать, но даже жертвовать и даром отдавать!!!»⁵⁶ - не без горечи отмечал ученый.

С переездом закончился московский период жизни Янжула, который, однако, до конца своих дней оставался типичным москвичом и не мог примириться и сжиться с северной столицей. «Обычной темой его

разговоров было сравнение Москвы с Петроградом, к невыгоде последнего, - вспоминал о Янжуле в эти годы М.И. Туган-Барановский, - Москва казалась ему и оригинальнее, и культурнее, и богаче талантливыми людьми. И понятно - лучшая часть его жизни прошла в Москве, и он не мог не быть ей верен»⁵⁷.

Дом Янжулов всегда славился широким, чисто московским гостеприимством. В учено-литературной среде обеих столиц были хорошо известны их воскресные журфиксы. П.Н. Милюков вспоминал, что Иван Иванович со своей культурной супругой были хлебосольными хозяевами, серьезно обижавшимися, если гости не использовали всех пределов их гостеприимства. Милюкова особенно интересовал стоявший в стороне стол, на котором каждую неделю раскладывались последние новинки английской и американской литературы по социальным и политическим вопросам⁵⁸. Общение с многочисленными гостями нередко разных взглядов и направлений давало импульсы научной мысли и творческому воображению, питало исследовательские интересы, рождая темы будущих работ.

В мае 1895 г., находясь на лечении в Мариенбаде, Янжул написал рецензию на вышедший накануне сборник экономических трудов Н.Х. Бунге. В ней отмечалось, что многолетняя ученая деятельность привела его автора к заключению, важному для всех интересующихся наукой: «Знание приобретается не верой в догмат теории, выдаваемый за нечто несомненное, а тщательным анализом явлений и осторожными обобщениями»; исследователь обязан держаться дальше от односторонних увлечений быстро сменяющимися научными доктринами, к которым необходимо относиться всегда с должным запасом критики⁵⁹. Буквально через несколько дней, после того как рецензия была отправлена в «Вестник Европы», Янжул узнал в читальне курорта из газет о внезапной кончине Николая Христиановича. Их совместным

творческим планам уже не суждено было осуществиться. Глубокое уважение к Бунге и теплые воспоминания об этом «замечательно благородном русском деятеле», поддерживавшем в Янжуле на протяжении всего их многолетнего знакомства «бодрость духа, нужную энергию и чувство самоуважения», ученый сохранил на всю жизнь, посвятив его памяти одну из своих книг.

Энциклопедическая образованность, знание фабричного законодательства и рабочего вопроса, искренний патриотизм и перспективное видение задач России, популярность и лояльность к власти - все это давало Янжулу неплохие шансы занять высокое положение во властно-государственной иерархии. В 1903 г. ему предлагалась должность директора Центрального статистического комитета с последующим преобразованием его в Департамент труда с широкими полномочиями. В 1906 г. в верхах рассматривался вопрос о кандидатуре Янжула на должность министра торговли и промышленности⁶⁰. Однако оба назначения не состоялись и этому человеку с государственным умом так и не суждено было стать государственным деятелем.

В Петербурге деятельность Янжула несколько изменилась. Он редактировал экономический и финансовый отдел в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, писал статьи, много внимания уделял воспоминаниям, на которые смотрел как на дело своей совести. Внимательный и вдумчивый наблюдатель Янжул-мемуарист был свидетелем и нередко участником многих важных событий. Он обладал не только энциклопедическими знаниями и прекрасной памятью, но и талантом рассказчика, даром живого литературного слова, был способен передать дух и колорит своего времени, согревая его теплотой человеческого чувства. Достоверность описания «пережитого и виденного», точность оценок и аргументированность суждений, искренность и глубина размышлений обо всем, что достойно внимания

читателя, яркие портретные зарисовки знаменитых современников (Н.Х. Бунге, М.М. Ковалевского, В.К. Плеве, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.И. Чупрова и др.) - все это вместе с несомненными литературными достоинствами делает воспоминания Янжула важным памятником отечественной мемуарной литературы.

Сочувствуя порядку, обеспечивающему устойчивый характер общественного развития, как противник крайностей в политике Янжул с беспокойством встретил обострение социальных противоречий в начале XX в., осуждал политический экстремизм и насилие. Вспоминая свою инспекторскую деятельность, он приходил к заключению, что хорошо продуманная и своевременная реформа фабричного быта и рабочего вопроса «ослабила бы зло настоящей продолжительной смуты и революционного периода нашей русской жизни», многие столкновения на почве экономических интересов могли бы быть предупреждены, что священной задачей государственной власти в настоящем и будущем является не «регулирование» классовых интересов, а умиротворение их путем соглашения, устранение всех поводов к конфликтам⁶¹. Как видим, и на склоне лет Янжул остался верен общественным идеалам своей молодости, среди которых приверженность классовому миру и социальному порядку, умеренный государственный реформизм, неприятие революционного насилия. Вместе с тем его мнение о завершении периода социальных потрясений и катаклизмов оказалось ошибочным, а надежды на скорое примирение классовых интересов и достижение социального мира - иллюзорными.

В апреле 1914 г. Янжул выехал на лечение в Германию, где его застала война. Состояние здоровья не позволило ему покинуть враждебную страну. 18 октября 1914 г. в Висбадене он умер. На тяжелую долю Екатерины Николаевны выпало горе похоронить мужа на чужбине при весьма тяжелых обстоятельствах. В связи с кончиной ученого

«Журнал Министерства народного просвещения» писал: «Перечень сочинений И.И. Янжула указывает, в какой степени он применял свои знания и умения к исследованию научных и практических вопросов, имея ввиду, главным образом, ознакомление с ними русского общества для достижения практических целей. По тщательности обработки материала, обстоятельности и объективности изложения И.И. Янжул едва ли имеет себе соперников среди современных ему русских научных деятелей»⁶².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И.И. Янжул вспоминал: «У меня очень рано развилась какая-то особенная жадность к печатной бумаге, и я хватался и читал все, что было возможно» (Янжул И.И. Воспоминания о детской и школьной жизни // Вестник воспитания. 1903. № 1. С. 42).

² Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864-1909 гг. Вып. 1. СПб., 1910. С. 10.

³ Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864-1909 гг. Вып. 1. СПб., 1910. С. 10.

⁴ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. VI. СПб., 1897-1904. С. 55.

⁵ Воспоминания И.И. Янжула... Вып. 1... С. 50.

⁶ Там же. С. 72.

⁷ Там же. С. 101.

⁸ *Янжул И.И.* Опыт исследования английских косвенных налогов. Акциз. М., 1874. С. IV.

⁹ Воспоминания И.И. Янжула... Вып. 1... С. 102.

¹⁰ Там же. С. 143.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² Юридический вестник. 1875. № 10-12. Современный отдел, С. 20-21; Сборник государственных знаний. Т. 2. СПб., 1875. Критика и библиография, С. 198-202 и др.

¹³ Сборник государственных знаний. Т. 4. СПб., 1887. Критика и библиография. С. 50, 51.

¹⁴ Воспоминания И.И. Янжула... Вып. 1... С. 171.

¹⁵ Пусть будет так, будь что будет, не все ли равно (фр.)

¹⁶ *Янжул И.И.* Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства. Вып. 2. Период свободной торговли. М., 1882. С. XVII.

¹⁷ Вестник Европы. 1882. № 4. С. 851-852.

¹⁸ *Менделеев Д.И.* Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. СПб., 1892. С. 11-13.

¹⁹ Отечественные записки. 1882. № 5. С. 127.

²⁰ Дело. 1882. № 3. С. 39.

²¹ Юридический вестник. 1882. № 6. С. 348-354.

²² Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. VI. СПб., 1897-1904. С. 60.

²³ *Янжул И.И.* Бисмарк и государственный социализм // Вестник Европы. 1890. № 8. С. 730, 739.

²⁴ Там же. С. 737.

²⁵ *Янжул И.И.* Влияние покровительственного тарифа на благосостояние рабочих классов // Юридический вестник. 1877. № 5-6.

²⁶ *Янжул И.И.* Свободная торговля и покровительственная система // Он же. Между делом. Очерки по вопросам народного образования, экономической политики и общественной жизни. СПб., 1904. С. 357-388. Работа представляет собой публичную лекцию, прочитанную в Политехническом музее в Москве 17 апреля 1884 г.

²⁷ Там же. С. 369, 384.

²⁸ Идея отказа от прямого противопоставления фритредерства и протекционизма уже находила сторонников среди русских экономистов в конце XIX в. (См. напр.: *Менделеев Д.И.* Оправдание протекционизма // Он же. Проблемы экономического развития России. М., 1960. С. 86-87).

²⁹ *Шумпетер Й.* История экономического анализа. СПб., 2001. Т. 1. С. 485.

³⁰ *Янжул И.И.* Детский и женский фабричный труд в Англии и России // Отечественные записки. 1880. № 3. С. 118.

³¹ *Янжул И.И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. СПб., 1907. С. 3.

³² Там же. С. 28-29.

³³ Янжул в одном из своих официальных отчетов отмечал, что состав инспекции Московского округа из двух человек на шесть губерний совершенно недостаточен для выполнения стоящих перед ней задач даже в самых скромных размерах с надеждой осмотреть все фабрики округа за два или три года хотя бы по одному разу (VII Московский фабричный округ. Отчет за 1885 год фабричного инспектора Московского округа, профессора И.И. Янжула. СПб., 1886. С. 19). Некоторое представление о том, что представляли собой эти осмотры, дает следующее пояснение в том же отчете: "... инспектору приходится быстро обегать весьма обширные помещения фабрики с целью не дать возможности скрыть малолетних или подучить их к даче ложных ответов; при этом инспектор мимоходом должен останавливаться для расспросов взрослых и особенно малолетних, чтобы этими расспросами добиться истины..." (Там же. С. 36).

³⁴ *Янжул И.И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора... С. 153-154.

³⁵ Там же. С. 133.

³⁶ Там же. С. 140.

³⁷ Воспоминания И.И. Янжула... Вып. 1... С. 179.

³⁸ Русское дело. 1886. 1 ноября.

³⁹ Северный вестник. 1887. № 1. Отд 2. С. 172.

⁴⁰ Там же. С. 176.

-
- ⁴¹ Речь. 1914. 28 октября.
- ⁴² Книга о книгах. Толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знаний / Под. ред. И.И. Янжула. М., 1892.
- ⁴³ Воспоминания И.И. Янжула... Вып. 2. СПб., 1911. С. 148.
- ⁴⁴ Янжул И.И. Письма из Америки: Чикаго и Всемирная выставка // Янжул И.И., Янжул Е.Н. Часы досуга. Очерки и картинки по экономическим, общественным и литературным вопросам. М., 1896. С. 321-322.
- ⁴⁵ Там же. С. 322, 323.
- ⁴⁶ См. напр.: Янжул И.И. Вопрос о государственном вмешательстве в область промышленности // Янжул И.И., Янжул Е.Н. Часы досуга... С. 80-93.
- ⁴⁷ Если знание - не сама сила, то оно, во всяком случае, указывает путь к силе (англ.).
- ⁴⁸ Янжул И.И. Отпускная торговля и некоторые меры для ее развития. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарных образцов. М., 1897. С. 295, 296.
- ⁴⁹ Русское экономическое обозрение. 1897. № 8. С. 262.
- ⁵⁰ Воспоминания И.И. Янжула... Вып. 1... С. 128.
- ⁵¹ Воспоминания Янжула о гимназической юности позволяют судить о настроениях, господствовавших в начале 1860-х гг. в среде учащейся молодежи: "Мы одинаково пили из одного источника: "Современник" был любимейший наш журнал; я пользовался расположением библиотекаря Г. Архангельского и всегда умудрялся явиться вовремя к приходу почты и получить в свое исключительное обладание драгоценную книгу в сиреневой обложке, еще не разрезанную и пахнущую типографией. Я немедленно усаживался к окну, вооружался ножом и с наслаждением приступал к священнодействию: внимательно перечтя заголовок содержания, разрезал статьи любимых авторов..." (Янжул И.И. Воспоминания о детской и школьной жизни // Вестник воспитания. 1903. № 2. С. 61).
- ⁵² Судейкин В.Т. Академик-профессор И.И. Янжул. Пг., 1915. С. 8.
- ⁵³ Цит. по: Воспоминания И.И. Янжула... Вып. 2... С. 86.
- ⁵⁴ Янжул И.И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. 4-е изд. СПб., 1904. С. 397; Некоторые высказывания Янжула по вопросам экономического развития России имели народническую окраску. Однако для того чтобы отнести ученого к представителям народнического крыла в отечественной экономической мысли нет достаточных оснований. На это указывалось и в советской историографии (См. напр.: Каратаев Н.К. Теория "государственного социализма". И.И. Янжул // История русской экономической мысли. Т. 2. Эпоха домонополистического капитализма. Ч.1. М., 1959. С. 151).
- ⁵⁵ Примечательно, что выдающиеся заслуги Янжула в "создании буржуазной финансовой науки" отмечались и советскими исследователями истории отечественной экономической мысли (См. напр.: Каратаев Н.К. Экономические науки в Московском университете (1755-1955). М., 1956. С. 183).
- ⁵⁶ Воспоминания И.И. Янжула... Вып. 2... С. 82.
- ⁵⁷ Речь. 1914. 28 октября.
- ⁵⁸ Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). М., 1990. Т. 1. С. 154.
- ⁵⁹ Вестник Европы. 1895. № 7. С. 391-392.
- ⁶⁰ В списке кандидатов на пост министра торговли и промышленности, представленном председателем Совета министров С.Ю. Витте царю, Николай II подчеркнул фамилию И.И. Янжула (Совет министров Российской империи (1905-1906). Документы и материалы. Л., 1990. С. 258). И хотя Витте намекал на то, что отказ академика был связан с его боязнью стать жертвой теракта (Витте С.Ю.

Воспоминания. М., 1960. Т.3. С. 194), по-видимому, главной причиной несостоявшегося назначения Янжула на министерский пост было состояние его здоровья.

⁶¹ Воспоминания И.И. Янжула... Вып. 1... С. 189; *Янжул И.И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора... С. V.

⁶² Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 1. Современная летопись. С. 48-49.